

Государственный университет «Высшая школа экономики»
Факультет прикладной политологии
Специальность «Реклама»

Эссе на тему:
«Старый чудак из джунглей»

Выполнил:
Подковыров А.
группа 146
Проверил:
Гасанов Э.В.

Москва 2009

СТАРЫЙ ЧУДАК ИЗ ДЖУНГЛЕЙ

Авторы: Владимир ЗЕМИТАН, Людмила МИХАЙЛОВА

*Альберт Швейцер,
1955 г.*

Всегда вызывает восхищение мужество людей, совершивших решительный поворот в своей судьбе. Живет человек, имеет хорошую специальность, делает большие успехи, обеспечен, и вдруг...

И вдруг он резко поворачивает свою судьбу, начинает заниматься совсем другим делом. И часто — с нуля... А ведь у него уже есть и большой опыт в прежнем деле, и на этой почве прочные связи с определенным кругом лиц. Да и вообще по накатанной дороге легче ехать.

Возникает вопрос: а вдруг ли это произошло? Или исподволь вызревало годами, ночами не давало спать? А может, такой человек услышал истинный зов судьбы, понял свое предназначение? Ведь, начиная с нуля, такие люди часто добиваются гораздо больших успехов, чем в прежнем деле. Что это? Мистика? Или закономерный процесс запоздалого осознания своего места на Земле?

Именно такой поворот совершил в своей судьбе мыслитель-гуманист и выдающийся музыкант Альберт Швейцер.

Он родился в 1875 году в Эльзасе, в семье бедного пастора. И дед, и прадед его тоже были пасторами и церковными органистами. Эту семейную традицию Альберт нарушать не собирался.

Мальчик рос слабым, болезненным и впечатлительным. Закончив школу и гимназию, он поступает в Страсбургский университет, где изучает теологию и философию. Защитив докторскую диссертацию на тему «Философия религии Канта», Швейцер становится пастором. Однако вскоре молодой человек оставляет духовную службу и становится приват-доцентом Страсбургского университета.

Изучение теологии Швейцер сочетает со вторым своим сильным увлечением — музыкой. Он берет уроки у известного парижского органиста и композитора Ш. Видора, а их отношения перерастают в крепкую дружбу.

Молодому органисту особенно удаются торжественные и величественные хоралы Баха, располагающие к душевной сосредоточенности и спокойствию. Его концерты пользуются огромным успехом. Стефан Цвейг специально приезжает в Гюнсбах (городок, где жил Швейцер) послушать Баха в его исполнении. Позже он вспоминал, что, слушая игру Швейцера, забыл обо всем, а придя в себя, понял, что плачет.

В 1905 году молодой музыкант издает книгу о творчестве Баха, сначала во Франции, а затем в Германии. Кроме занятий музыкой, он успешно читает лекции в Париже о немецкой литературе и философии. Швейцер на гребне славы. С ним дружат выдающиеся люди планеты. Казалось бы, живи и радуйся...

Но вот тут-то и наступает тот загадочный поворот судьбы в этой внешне яркой и счастливой жизни: Швейцер решает ехать врачом в Экваториальную Африку.

Почему Африка?

Да еще и Экваториальная. Многие задавались тогда этим вопросом.

Еще в университете Альберт намечает себе жизненную программу: до 30 лет набираться знаний и опыта, заниматься наукой и искусством, а затем посвятить жизнь служению людям, помогать им конкретными делами. От эльзасских миссионеров он часто слышал о страданиях туземцев в Африке, которые были полностью лишены медицинской помощи.

«Цветные народы, которые подвержены недугам и боли, как и мы, и даже еще в большей степени, не имеют никаких средств с ними бороться... Чем больше я об этом думал, тем непонятнее казалось мне, что нас, европейцев, так мало заботит та великая гуманистическая задача, которую ставят перед нами эти далекие страны... Я хотел стать врачом, — пояснял он свое для многих странное решение, — чтобы иметь возможность действовать вместо того, чтобы расточать слова. Для Экваториальной Африки медицина значила особенно много, ибо там, куда я собирался поехать, как явствовало из сообщений миссионеров, нужней всего самого нужного были врачи. Тамошние миссионеры жаловались на то, что бессильны облегчить физические страдания туземцев. И я решил, что во имя того, чтобы стать тем самым врачом, в котором нуждаются эти несчастные, мне стоит снова сесть за студенческую скамью».

В 1905 году Швейцер поступает на медицинский факультет Страсбургского университета. Страстно и увлеченно он изучает естественные науки, просиживает ночами в анатомическом театре. Понимая, что в Африке никто не подскажет и не придет на помощь, будущий врач изучает акушерство, гинекологию, терапию, хирургию, стоматологию, часто оставляя для сна 3—4 часа в сутки.

«В теологии и музыке, — вспоминал потом он, — я был, можно сказать, у себя дома... Но медицина! Это был совершенно новый для меня мир, я к нему не был готов. Сколько раз, возвращаясь после иступленных занятий на медицинском факультете, я бежал... чтобы какой-нибудь час, отданный музыке (о, всемогущий Бах!), вернул мне равновесие и душевное спокойствие». Но даже в эти напряженные годы учебы молодой энтузиаст не прекращал давать концерты и заниматься литературной работой.

Обучение на медицинском факультете заняло семь лет упорной учебы. И вот уже будущий доктор защищает диссертацию по медицине «Психиатрическая оценка личности Иисуса».

В том же 1913 году Швейцер женится на своей единомышленнице Хелене Бреслау и они вместе едут в Экваториальную Африку. Там в непроходимых джунглях затерялось маленькое местечко Ламбарене, где миссионерский пункт предоставлял молодому врачу домик и разрешил построить больницу для африканцев.

«Мне кажется, — высказывал предположение его друг Альберт Эйнштейн, — что его работа в Ламбарене в значительной степени была плодом протеста против наших морально окостеневших и бездушных традиций цивилизации». А Стефан Цвейг объяснял поступок своего друга так: «Почему в Африку? Неужели с человеческими страданиями нельзя

боротся в Европе? Можно. Но в Африке делать это во много раз труднее. Потому что едут туда люди, ищущие наживы, любители приключений, карьеристы. Потому что там, в девственном лесу, в повседневной своей деятельности человек должен исходить из самых чистых моральных побуждений».

Не все понимали поступок Швейцера. Не говоря уже о близких и друзьях, которые в один голос пытались отговорить его и вернуться к прежней жизни. «Каких только мучений не переносил я из-за того, что столько людей считали себя вправе распахивать все двери и ставни моей внутренней жизни! Истинное благодеяние, казалось мне, совершали те, кто не пытался залезть ко мне в душу, кто просто видел во мне скороспелого молодого человека, слегка повредившегося в уме, и потому относился к решению моему с добродушной насмешкой». Кстати, мать Швейцера так и не смирилась с его отъездом и не дала ему своего благословения. Его учитель Ш.Видор, вместе с которым он издал «Органные прелюдии Баха», тоже не поддержал своего молодого друга.

Но Швейцер упорно шел к своей цели. «Я долго все взвешивал и всесторонне изучил этот вопрос: я был убежден, что у меня есть нужное для этого здоровье, крепкие нервы, упорство, рассудительность, словом, все необходимое для осуществления моего замысла».

Но почему непременно нужно было в Габон, где, как он уже знал, климат не только тяжелый, а даже опасный для здоровья? Ф.Энгельса, ездившего в свое время в Африку по делам службы, больше всего волновал климат, но местность оказалась здоровой, чему он был несказанно рад. (Вот что значит быть истинным материалистом!) Бывал в Африке и Хемингуэй. Он занимался только охотой, и тоже не в ущерб здоровью.

Швейцер же сознательно искал для себя «пекло», и с радостью ринулся в тяжкую жизнь подвижника, как с радостью возносился в беспредельную высь хоралов Баха.

Необходимые средства для проезда и постройки больницы молодой энтузиаст в основном собрал сам. Это был гонорар за книгу о Бахе, изданную на трех языках, и деньги, вырученные за концерты. Интересно, что Бах сопровождал, помогал и утешал Швейцера на протяжении всей жизни

«Что для меня Бах? Утешитель, — писал Швейцер. — Он вселяет в меня веру, что... настоящая истина не может остаться нераспознанной или попранной, что ей не нужна помощь со стороны, что она побеждает сама по себе, как только настанет ее час. Вера в это необходима нам, чтобы жить. У него эта вера была. Так он творил — в тех узких пределах, которыми себя ограничил, — трудясь без устали и не падая духом, не стараясь привлечь к себе внимания людей, не делая ничего, чтобы прославиться в будущем, озабоченный лишь тем, чтобы все, что он создал, было правдой». Это не только созвучно Швейцеру. Это как будто о нем...

Между водой и девственным лесом

Итак, Экваториальная Африка, Габон, маленькое местечко Ламбарене (чуть южнее экватора) на реке Огове. «Я избрал этот край, потому что... именно в этих местах все больше и больше распространяется сонная болезнь и поэтому нужда во врачебной помощи там особенно велика».

Преодолев огромные расстояния поездом, морским, а затем речным пароходами и, наконец, каноэ, молодой доктор и его жена прибыли на место и распаковали семьдесят ящиков своего багажа. А еще нужно найти каноэ, чтобы доставить сделанное специально для тропиков пианино с органным педалированием, подаренное Швейцеру Баховским обществом...

Помещения для приема больных не было, и доктор сначала принимал пациентов (по 30—40 в день) прямо на «свежем воздухе», а затем приспособил для этого бывший курятник. А вокруг — вода и «допотопные ландшафты, которые мы видели где-то на фантастических рисунках», сплошная стена тридцатиметровой высоты туго перевитого лианами девственного леса. Позднее Швейцер так и назвал свою первую книгу об Африке — «Между водой и девственным лесом».

А больные идут и идут, преодолевая сотни километров непроходимых джунглей, приплывают на каноэ, самых тяжелых родственники приносят на носилках. Наиболее распространены малярия, сонная болезнь, проказа, ревматизм и сердечные болезни, слоновая болезнь, дизентерия, гнойные язвы, чесотка, психические болезни. Привезенные медикаменты скоро закончились, и доктор делает новый заказ своим европейским друзьям, который придет лишь через 3—4 месяца.

Новому врачу пришлось работать терапевтом и отоларингологом, дерматологом и акушером, психиатром и травматологом. А многочисленные операции ущемленной грыжи, на которые туземцы установили очередь! И при этом нужно всегда быть проницательным психологом, поскольку неожиданности, связанные с бытом, укладом и нравами «детей природы» (так называл туземцев Швейцер), подстерегали на каждом шагу. Например, часто желудочные недомогания оказывались тяжелейшим отравлением, которое здесь было обычным способом мести. Были укусы змей, леопардов, горилл, рыб, крокодилов и, что тоже случалось, укусы людей, которые труднее всего поддавались лечению.

Помимо врачебной работы Швейцер выполнял функции медбрата, санитаря, истопника, плотника, грузчика, строителя и неизменного прораба на бесконечных стройках. Не перечить всех работ, за которые он брался во имя спасения своих беспомощных подопечных. Не счесть всех стрессов и сюрпризов, которые ему преподносили жизнь на новом месте и «дети природы». И при этом он всегда проявлял бесконечное терпение и желание понять своих страдальцев, продолжая любить их.

Нелегко было и хозяйствовать на новом месте. Ведь работы надо было планировать так, чтобы успеть все закончить до периода дождей, при этом учитывать налеты торнадо, нашествия местных насекомых, слонов и многое другое. К тому же оказалось, что ни зерновые, ни картофель здесь не произрастают. Коров тоже содержать нельзя. Поэтому основные продукты питания привозились из Европы, что также усложняло жизнь и работу. Тем более что в голодные годы туземцы шли в больницу не столько лечиться, сколько получить кусок хлеба.

Работать в курятнике с дырявой крышей при 35-градусной жаре было невыносимо да и просто опасно из-за угрозы солнечного удара. А кроме невероятной духоты — джунгли не пропускали воздух — новичка на каждом шагу подстерегала опасность укусов mosquitos, разносящих малярию, полчищ кочующих муравьев, съедающих все и всех на своем пути, мухи цеце — переносчицы сонной болезни, термитов, уничтожавших лекарства, постройки и одежду, земляных блох, змей и других экзотических «прелестей».

Нередко доктор отправлялся на вызовы, и каждый раз эти поездки и походы граничили с подвигом. Приходилось по несколько суток плыть в шатком каноэ, десятки, а то и сотни

километров расчищать дорогу топором, прорубая проход в лианах, где не исключались встречи с леопардами, гориллами, бегемотами и, наконец, людоедами. Иногда новички из таких поездок не возвращались. «Белый доктор» тонул в реке, кишасей крокодилами, а однажды на него напал леопард. «Но что значат все эти преходящие неприятности в сравнении с радостью, которую приносит работа в этих местах и возможность помогать людям!» — восклицает молодой оптимист.

И вот, наконец, сказались плоды напряженной учебы: первые шаги врачевания оказались очень удачными. Страждущие получили эффективную помощь и облегчение, а возвратившись домой, с восторгом рассказывали о «Белом докторе». Каждый считал своим долгом привести больного родственника или знакомого. Слава о чудесном врачевателе быстро распространилась по Габону. Вскоре больные уже буквально осаждали нового врача. Тем более что этот врач обязательно снабжал продуктами на обратную дорогу. Прибывшие больные с родственниками разбивали шатры вокруг домика врача, ожидая своей очереди. Нужно было срочно строить новое помещение.

С помощью друзей из Европы и своих заработков Швейцер построил, наконец, барак из рифленого железа, но, увы, вскоре опять стало тесно. Где же брать деньги, материалы и рабочую силу? И здесь деятельная натура «Белого доктора», его огромный организаторский талант блестяще проявили себя. На долгие годы молодой врач становится рачительным прорабом, лесорубом, сплавщиком леса, плотником, до тонкостей овладевая этими профессиями. Проходит время, и в джунглях вырастает небольшой больничный городок. При этом Швейцер успевает принимать больных и оперировать. «Как описать мои чувства, когда такого страдальца привозят ко мне! — пишет он о больных с ущемлением грыжи, которых было больше всех. — Я ведь единственный человек, который на сотни километров вокруг может помочь ему! Возможность избавить его от нестерпимых мук я ощущаю как данную мне великую и вечно возобновляемую милость».

В 1925 году неутомимый строитель уже присматривает новое, более удобное место для больницы. Начинается строительство в трех километрах выше по течению реки. А вокруг больницы, расчистив территорию от непроходимых джунглей, доктор, а теперь новоиспеченный агроном, засаживает ее масличными пальмами, бананами, маисом и маниоком. Он вникает во все тонкости местного сельского хозяйства, и через некоторое время выращенные им рощи почти полностью снабжают больницу бананами, маниоком, пальмовым маслом, на которое можно выменять продукты, и так трудно дающимися плодами хлебного дерева. Он добывает коз и учит туземцев обращаться с ними.

Пребывание туземцев в больнице «Белый доктор» старался использовать, чтобы обучить их ремеслу, привить навыки гигиены и культуры поведения, а главное — духовно совершенствоваться.

Работа с африканцами требовала постоянного напряжения и большого такта. Надо было научиться сочетать дружелюбное отношение к больным, не потеряв при этом у них авторитета. И эта трудная задача Швейцеру удалась. Наверное, потому, что он старался вникнуть в психологическое состояние пациента, создать для него атмосферу, близкую к

привычной, а главное — уважал его человеческое достоинство. Он умел создать обстановку духовного братства, и это было залогом успешного лечения.

А что же музыка? Звучит ли она в его душе? Не только звучит: «Многие пьесы Баха для органа я научился здесь играть и проще и проникновеннее, чем раньше... Я вернулся в Европу, отнюдь не превратившись в дилетанта, а в полной мере владея техникой игры, и мой исполнительский талант стали ценить еще больше, чем прежде». В редкие поездки в Европу Швейцер по-прежнему с успехом дает концерты, собирая средства для больницы.

Я есть жизнь...

Врачевание, строительство, воспитательная работа, музыка... Не много ли? Но это далеко не все, чем занимается необыкновенный доктор в Африке. Он много работает над проблемами философии культуры. В 1915 году Швейцер определяет основную концепцию своего мировоззрения — «благоговение перед жизнью, уважение к ней», которую разрабатывает в своем основном философском труде «Культура и этика». «Отныне я был проникнут идеей, в которой миро- и жизнеутверждение соотносились с нравственностью. Отныне я знал, что мировоззрение этического миро- и жизнеутверждения вместе с их культурными идеалами основываются на разуме». Жизнь, считал мыслитель, как самое сокровенное, что создала природа, независимо от уровня ее развития, требует к себе уважения.

«Этика благоговения перед жизнью не делает различия между жизнью высшей или низшей, более ценной или менее ценной», — подчеркивает философ. Его ключевая формула: «Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая тоже хочет жить».

А вот его определение добра и зла: «Добро — это сохранять жизнь, содействовать жизни. Зло — это уничтожать жизнь, вредить жизни». Из концепции Швейцера вытекают два главных принципа: «человек человеку» — взаимопомощь и взаимослужение; «человек и природа» — уважение к любому живому существу. В 1935 году выходит в свет его книга «Мировоззрение индийских мыслителей», которое было ему близко по бережному отношению ко всему живому.

Кроме того, Швейцер подготовил и прочитал цикл лекций по философии культуры в ряде европейских университетов. Он избирается почетным доктором Цюрихского, Эдинбургского, Чикагского, Кембриджского и ряда других университетов.

Главным аргументом действенности этического учения о благоговении перед жизнью, уважении к ней Швейцер считал собственную жизнь. И он не был бы самим собой, если бы не следовал, проповедуя свою философию, принципу единства слова и дела. Идея благоговения перед жизнью, уважения к ней просматривается в каждой его мысли, в каждом поступке. Даже к деревьям он относится как к живым существам, уважая их право на жизнь: «На участке, где должна стоять наша больница, много масличных пальм. Проще всего было бы их срубить, но совесть не позволяет нам заносить на них топор, особенно теперь, когда мы освободили их от лиан и у деревьев этих начинается новая жизнь».

Когда африканцы выражают недовольство тем, что «Белый доктор», имея ружье, не стреляет дичь, чтобы добыть мясо, его реакция такая: «Я спокойно выслушиваю этот упрек. Мне совсем не хочется убивать птиц, которые кружатся над водой. Не поднимается мое ружье и на обезьян... Сплошь и рядом появляется тут же маленькая обезьянка, и над похолодевшим

телом раздаются жалобные крики, которыми несчастная сирота оплакивает свою убитую мать». К этому нечего добавить...

«Доктор из Ламбарене» много и успешно занимается литературой. Его книги «Между водой и девственным лесом» и «Письма из Ламбарене» — это увлекательнейшая документальная проза, в которой он, как и в музыке Баха и в своей врачебной работе, пытается найти истину. Предельная искренность, откровенное признание своих ошибок и промахов, скромная самооценка автора покорили сердца многочисленных читателей. Обе книги имели огромный успех, издавались в Швейцарии, Швеции, Германии и других странах. В 1924 году он заканчивает воспоминания «Из моего детства и юности», где со свойственной ему искренностью прослеживает развитие своего самосознания. В 1956—1961 годах в Японии выходит первое 20-томное собрание сочинений Альберта Швейцера.

Да, трудно охватить все стороны этой многогранной жизни. Ведь, занимаясь всеми перечисленными делами, философ и гуманист не переставал выполнять роль миссионера. Швейцер был твердо убежден, что «через учение Христа туземец обретает как бы двойное освобождение: мировоззрение его из исполненного страхов превращается в свободное от страха и из безнравственного становится нравственным». Он регулярно читал проповеди среди туземцев, вел с ними многочисленные беседы об Иисусе Христе и христианстве, ощущая при этом, по его признанию, живительную силу воздействия мысли Иисуса. «Надо жить среди туземцев, чтобы понять, как много значит, когда один из них, сделавшись христианином, отказывается от мести, которую ему надлежит учинить, или даже от кровной мести, к которой его принуждают обычаи страны!.. От соприкосновения с христианством из добрых по природе туземцев могут сформироваться натуры исключительно благородные». Христианство, по его мнению, это «свет, который озаряет полную страхов тьму».

Человечество должно вернуться к человечности!

Большой резонанс в мире вызвала активная антивоенная деятельность «Белого доктора из джунглей», его борьба за мир и разоружение. С войной у него были свои счеты. Когда началась Первая мировая война, молодому доктору, как немецкому подданному, на территории французской колонии запретили заниматься лечебной практикой и вместе с женой отправили в Европу в лагерь для интернированных, где они провели почти год. Когда же Швейцер в 1924 году снова вернулся в Ламбарене... «Там, где некогда были бараки, в которые я вложил столько труда, — сплошной кустарник и густая трава», — с горечью вспоминал Швейцер. Все пришлось начинать сначала.

Скорее всего, с того времени и надо вести отсчет его антивоенных настроений. Когда появилась атомная бомба, Швейцер как естествоиспытатель предупреждает человечество о грозящей его существованию опасности. «В такую ситуацию мы были поставлены непредвиденным ходом использования достижений науки и техники... Применение оружия повлекло за собой распространение бесчеловечных убеждений и поступков... Мы должны проникнуться сознанием долга перед человечностью, так как именно она требует запрещения атомного оружия». Он встречается с А.Эйнштейном и договаривается о совместной борьбе против производства и испытаний атомного оружия.

В период Карибского кризиса Швейцер пишет письмо президенту США Д.Кеннеди. «Старик из джунглей» выступает с пламенными статьями в печати и по радио. Большую надежду возлагал Швейцер на свое учение о благоговении перед жизнью, которое, по его мнению,

может помочь человечеству вернуться к человечности.

В 1953 году антивоенная деятельность великого гуманиста была отмечена Нобелевской премией мира за 1952 год. Интересно, что лауреат Швейцер не смог поехать в Осло за премией, поскольку не решился оставить без присмотра свою больницу. Только через год у него нашлось время для этой поездки. Кстати, полученная премия пошла на постройку деревни для прокаженных.

В 1957 году он выступает по радио из Осло с «Декларацией совести», в которой призывает народы мира требовать прекращения испытания атомного оружия. В том же году Швейцер ставит подпись под воззванием ученых всего мира прекратить атомные испытания в атмосфере.

В следующем году выходит в свет его книга «Мир или атомная война?», в которой он приветствует позицию Советского Союза, отказавшегося от новых испытаний атомного оружия. Швейцер глубоко убежден, что только единое общественное мнение народов способно остановить надвигающуюся опасность. Активные действия и шаги в защиту мира «Доктор из Ламбарене» предпринимал вплоть до последних дней своей жизни.

Я должен защищать то, во что верю, формами жизни, которой я живу

Неустанная работа «Большого доктора в джунглях», его искренняя любовь к людям и бескорыстное служение им создали Альберту Швейцеру огромный авторитет во всем мире. Местечко Ламбарене стало центром притяжения ищущих истину умов. Туда ехали, чтобы побеседовать с великим мыслителем, чтобы своими глазами увидеть плоды великого служения людям, чтобы приобщиться к этому личным участием. Гостей встречал человек весьма преклонного возраста, по-прежнему работавший в своей больнице и врачом, и каменщиком, и плотником. На вопрос, зачем он это делает, «Большой доктор» ответил: «Я должен защищать то, во что верю, формами жизни, которыми я живу, и работой, которую я выполняю. Я должен попытаться сделать так, чтобы моя жизнь и моя работа говорили о том, во что я верю». Это единство слова и дела, эта великая цельность были основой его жизни.

В 1952 году Германия награждает Швейцера высшей наградой врача — медалью Парацельса. В Англии его награждают орденом «За высшие заслуги».

А что же Швейцер? Может быть, стал поживать на лаврах?

Жена великого гуманиста, которому уже шел восьмой десяток, рассказывала: «Это непостижимый человек. Я убеждена, что сейчас он работает еще напряженнее, чем 20 лет назад. А двадцать лет назад я боялась, что он убьет себя работой. Он всегда говорит, что у него есть хороший рецепт для людей, которым за шестьдесят, если они плохо себя чувствуют: напряженная и еще более напряженная работа. Рецепт этому он следует сам».

Да иначе и нельзя было. Ведь его любимое детище — больница разрослась в огромный больничный город. В 1961 году в нее обратились за помощью шесть тысяч человек (вспомним дырявый курятник) и было сделано 802 операции. В роддоме ежегодно рождалось до 400 детей.

Альберт Швейцер умер в 1965 году на 91-м году жизни. Болезненный в детстве, он прожил очень счастливую и неожиданно долгую жизнь. Не потому ли, что с благоговением относился к другим жизням?

Содержание

Почему Африка?	2
Между водой и девственным лесом.....	3
Я есть жизнь.....	6
Человечество должно вернуться к человечности!.....	7
Я должен защищать то, во что верю, формами жизни, которой я живу.....	8